

УДК 159.922.1

О. И. Торкунова

ББК 88.5

*Кандидат психологических наук***НАРРАТИВНЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЬЮ КАК
МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И
ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК**

В статье рассматриваются нарративные интервью как метод изучения, позволяющий выделить те социализационные факторы, которые способствовали формированию гендерной идентичности и гендерных установок. Гендерные установки формируются в процессе гендерной социализации на основе потребностей в общении, удовлетворяющихся в системе гендерных отношений в ближайшем семейном окружении.

Ключевые слова: нарративные интервью, модели семьи, гендерные установки, гендерные биографии, гендерные отношения, гендерные контракты, сценарии социализации.

O. I. Torkunova

*Ph.D. in psychology***NARRATIVE BIOGRAPHIC INTERVIEWS AS METHOD
OF STUDYING OF GENDER SOCIALIZATION AND
GENDER ATTITUDES**

In article narrative interviews as the studying method, allowing to allocate those socialization factors which promoted formation of gender identity and gender installations are considered. Gender installations are formed in the course of gender socialization on the basis of needs for the communication, the gender relations which were satisfied in system in the immediate family environment.

Key words: narrative interviews, family models, gender installations, gender biographies, gender relations, gender contracts, socialization scenarios.

Важным и неоднозначным аспектом формирования моделей гендерного поведения, на наш взгляд, является социальный опыт личности, формирующийся в процессе первичной социализации. Различие же между социальной ценностью (значимостью) семьи и личностной ценностью (оценками и выборами реального поведения) является, очевидно, основной причиной трансформации семьи как институциональной структуры, причиной кризиса семейных процессов социальных отношений.

Для изучения процесса формирования гендерных установок молодежи в первичном периоде социализации мы использовали опыт реконструкции гендерной биографии респондентов на основе проведенных с ними нарративных интервью. Сторонники нарративного подхода считают, что проблемы возникают потому, что наша культура вынуждает людей втискивать себя в узкие рамки саморазрушительных взглядов на себя и на

мир. Техники нарративной психотерапии направлены на формирование у человека уверенности в собственных силах, они помогают отделиться от поработающих повествований и проблем, открывают простор для альтернативных повествований, которые были потеряны или не осознаны [6].

Способ интерпретации людьми собственного опыта оказывает мощное воздействие на их жизнь: часто это последовательно связанные повествования, помогающие им разобраться в событиях своей жизни. Люди легко поддаются влиянию доминирующих в обществе преобладающих культурных стереотипов и норм, нередко дискриминирующих, в том числе и по признаку пола. Поскольку на нас оказывают влияние доминирующие культурные нарративы, мы должны постоянно переоценивать свои представления, чтобы убедиться в том, что мы конституируем себя в соответствии с тем, какими мы хотим быть, а не с тем, какими нас вынуждает быть общество. Это ключевое положение, имеющее глубокий смысл для личных и профессиональных отношений. Создавая новые нарративы совместно с клиентами, психологи и психотерапевты делают все необходимое для наступления глубоких и устойчивых изменений жизненных изменений и «Я»-концепции

Субъективная ценность семьи отражается в широком спектре реальных социально-психологических установок поведения и взаимоотношений личности. Это обуславливает влияние усвоенных гендерных установок на выбор модели семьи, семейных отношений, реализуемых впоследствии. Суть содержания гендерной установки – готовность вести себя определенным образом, в соответствии с интериоризированными личностью нормами и правилами полоспецифичного поведения. Гендерные установки формируются в процессе гендерной социализации на основе потребностей в общении, удовлетворяющихся в системе гендерных отношений в ближайшем семейном окружении (в родительской семье), в семье как малой группе [1].

В основе понятия «модель семьи» лежит «тип гендерного контракта» или система гендерных отношений. Гендерный контракт представляет собой совокупность гендерных ролей и функций, иерархии власти, структуры, участия членов семьи в выполнении ее функций, характера репродуктивного поведения.

Однако гендерные субъективные установки личности, влияющие на формирование ее ценностных, когнитивно-поведенческих компонентов остаются при этом не достаточно изученными. Нельзя не говорить об активной роли социально-психологических характеристик человека,

носителя гендера и субъекта многоуровневых отношений. Кроме того, гендерные представления, стереотипы, установки и идентичность личности могут выступать не только, как детерминанты гендерных отношений, но и в роли строителей отношений, конструкторов определенных поведенческих моделей. Анализ влияния факторов на выбор практик гендерного взаимодействия определил их приоритетность в исследовании, критерии и взаимосвязь с моделями семьи: 1) гендерные роли и функции (жесткость, стереотипность / гибкость, вариабельность); 2) иерархия власти (патриархальность или матриархальность, 3) власть – подчинение, нуклеарность, симметричность, равноправность); 4) структура семьи (сложная структура/ простая структура семьи); 5) участие членов семьи в выполнении ее функций (сосредоточение всех жизненных функций в семье, исключительно домашняя занятость женщин/ разделение функций между семьей и социальными институтами); 5) характер репродуктивного поведения (свободное, нерегулируемое/ планирование, регулирование) [1].

В научной литературе рассматриваются две основные модели семейных ролей: партнерская и доминантная [4;5].

Биографический метод является новым для изучения гендерных установок, их влияния на выбор модели семьи. История жизни представляется нам адекватным методом изучения, так как позволяет исследователю изучить не только процесс формирования установок респондента, но и выделить те социализационные факторы, которые способствовали формированию их гендерной идентичности и гендерных установок. В результате были собраны рассказы о жизни, которые и стали предметом психологической реконструкции. Нашей целью не было решение проблем наших респондентов, мы были заинтересованы в освобождении сознания молодых людей от гипноза доминирующих культурных внушений, в расширении диапазона выбора.

Задача исследования заключалась в том, чтобы выявить некоторые типичные черты жизненных историй респондентов, которые помогли бы объяснить формирование гендерных установок. Иными словами, перед нами встали следующие вопросы: как женщина и мужчина приходит к выбору той или иной модели семьи? Каков механизм формирования гендерных установок, каково влияние установки на выбор модели семьи? Существует ли взаимосвязь определенных установок и моделей семьи?

Методом исследования, позволяющим получить ответы на поставленные вопросы, явилось биографическое неструктурированное интервью (нарратив) или гендерная биография, выполненное в форме

беседы. Исследование проводилось на базе Военного авиационного инженерного университета (г. Воронеж), Воронежской государственной медицинской академии, Воронежского государственного института физической культуры и спорта в 2008-2012гг. В рамках проекта было проведено 488 биографических интервью.

Среди наших респондентов полные семьи были у 90% юношей и 84% девушек. Жили с отчимом или мачехой 2 % юношей и 5% девушек.

Поскольку проведение биографических интервью предполагает руководство повествованием со стороны исследователя, то процедура заключалась в следующем. Каждому респонденту была изложена цель проекта – изучение биографий юношей и девушек. Затем была сформулирована задача (“Расскажите, пожалуйста, о себе”) и определено общее время беседы (не меньше полутора часов). В ответ излагалась и записывалась автобиография, т.е. авторское повествование о собственной жизни (нарратив). В процессе рассказа интервьюер-исследователь задавал уточняющие вопросы, связанные с разными этапами социализации (вопросы были взяты из методики И.С. Клециной «Гендерная биография», структурированного качественного интервью Г. Крайга, модифицированный вариант) [2;3]. По завершении повествования (первичного рассказа), интервьюер обращался к тем периодам жизненного цикла и тем обстоятельствам образа жизни, которые рассказчик упустил.

Способ интерпретации людьми собственного опыта оказывает мощное воздействие на их жизнь, последовательно связанные повествования, помогают им разобраться в событиях своей жизни. При реконструкции историй жизни мы, прежде всего, обращали внимания на следующие темы, последовательность которых стала схемой интервью:

а) Первичная социализация: социальное происхождение, семейный контекст, образ жизни в родительской семье.

б) Вторичная социализация: школьный опыт, группы сверстников в подростковом возрасте, формы детской и юношеской активности, студенческий опыт.

Анализ нарративов позволил выделить общие аспекты социализации респондентов, отражающие суть процесса социализации, определить факторы на выбор практик гендерного взаимодействия, взаимосвязь с моделями семьи:

Все респонденты, которых мы интервьюировали, относятся к различным социальным слоям, материально благополучным семьям. Среди их родителей по профессии мы встречаем офицеров, преподавателей,

инженеров, врачей, журналистов, рабочих, служащих и пр. В большинстве семей оба родителя работающие.

Респонденты отмечают, что в возрасте 4-6 лет «играли всем двором», и девочки и мальчики были хорошими друзьями, а с 7-8 лет стали играть преимущественно в мужской или женской компании, мальчики – в «казаки-разбойники», «войнушку», футбол, девочки – в «дочки-матери», «магазин», «школу».

Взрослые, прежде всего родители, поощряли (или наказывали) за поведение, соответствующее (или несоответствующее) гендеру ребенка: «как не стыдно, ты же девочка, а ведешь себя как мальчишка», «девочка должна быть опрятной, хорошо учиться и слушаться родителей», «ты же солдат – плакать нельзя, даже если больно», «мальчик должен защищать девочек». Девушки отмечают, что их в гораздо большей степени привлекали к домашним работам (уборке квартиры, мытью посуды и т.п.), чем их братьев. В мужчинах учили ценить «ум, силу, целеустремленность, уверенность, активность; в женщинах – нежность, трудолюбие, сексуальность, хозяйственность, красоту». Респонденты отмечают, что родители покупали им игрушки, соответствующие их полу, которые и стали впоследствии их любимыми игрушками (мальчикам – солдатики, пистолеты, конструкторы, девочкам – куклы, игрушечные посуду и мебель и т.п.).

Для большинства семей опрошенных респондентов типичны авторитарные матери, которые контролируют, управляют и «лезут во все», «заботятся и опекают». Многие респонденты отмечали авторитарное давление со стороны матери в детстве, слабость отцов «мама очень сильный человек, она очень давила на нас с братом, отец послабее, без мамы он не проживет, это точно». В связи с этим, сейчас эти респонденты детское воспитание идентифицируют преимущественно с материнским влиянием, а не отцовским. И, как правило, говорят о том, что это влияние было жестким и авторитарным, что, в свою очередь, привело к заниженной самооценке: «ей трудно было угодить, вечно все я делала не так», «и кто только тебя замуж возьмет – это ее любимая присказка», «вырастешь таким же никчемным, как твой папаша», «и хотя папа был полковником, дома он был простым рядовым, зато мама была генералом».

Присутствие отцов в рассказах респондентов, хотя и является значимым фоном, но практически не вспоминается. Отец, как правило, много работал, мало уделял внимания общению с ребенком, «часто уезжал в командировки», «много работал, а когда приходил с работы, ужинал и смотрел телевизор», «больше лежал на диване», «в лучшем случае раз в месяц проверял дневник и

ругал за двойки». Иногда встречаются высказывания о грубости, пьянстве и изменах отца: «главным во всем всегда был отец, нередко угнетая мать», «папа исповедовал абсолютный патриархат, я тоже стараюсь следовать принципу: подавлять точку зрения другого, навязывать свою, даже если придется применять силу», «папа в детстве гулял от мамы, и я это знала». Однако в рассказах респондентов мужчин отмечается тенденция объяснения и принятия подобной роли отца «для мужчины главное – способность зарабатывать деньги», «мужчины не страдают ни от чего, а женщины рождены, чтобы страдать».

Обращает на себя внимание тот факт, что особенно трепетным было отношение родителей (в основном мамы, бабушки) к болезням детей. Заболевания были, по словам респондентов, возможностью побыть дома, получить дополнительное внимание и заботу «вечно работающих, озабоченных родителей». В целом, дети во многом были предоставленные сами себе и приученные к самостоятельности и самодостаточности. В силу занятости родителей, необходимыми агентами социализации, были бабушки и дедушки.

Большинство детей этого поколения посещали детский сад и/или находились на воспитании у бабушек, недавно ставших пенсионерами. Поскольку рассказы о бабушках и дедушках занимают значительное место в историях жизни респондентов, правомерно сделать вывод об эмоциональной значимости образов бабушки и дедушки, о влиянии «рассказов о собственной жизни» бабушек и дедушек на формирование гендерной идентичности и установок: «больше всего я люблю бабушку, и знаю, что и оно меня любит больше всех», «бабушка учила меня готовить, говорила, что стыдно выйти замуж и не уметь борщ сварить», «дед научил меня разбираться в машинах, все детство я провел у него в гараже» и т.п.

В подростковом возрасте у большинства респондентов отмечается идентификация родителей с общественностью и школой, с «другими», а не с собственными детьми. Это было присуще семейному воспитанию в России, что вызывало сильное неприятие родителей у подрастающих детей. В момент конфликта со школой и со сверстниками родители оказывались не на стороне ребенка, а на стороне его оппонентов, оставляя его одного. Часто дети воспринимали такую позицию как предательство по отношению к себе или как лицемерие. Эта обида запоминалась и помнится до сих пор, что видно из нарративов: «родительские собрания означали для меня отцовскую порку, причем без суда и следствия», «наша дура-историчка могла наговорить все что угодно, а я ничего не мог им (родителям) доказать»,

«классная ходила к нам домой и сплетничала о моих друзьях, которые вели себя не как «хорошие мальчики», и родители не выпускали меня на улицу», «когда девочки в классе объявили мне бойкот, из-за того, что я честно сказала, что я думаю об одном человеке, родители, которые дома говорили о нем то же самое, да еще и похлеще, меня не поддержали и заставили перед ним извиниться».

Школьные годы, как видно из рассказов респондентов, характеризуются в целом активностью в учебе и в общественной жизни. Прежде всего, это яркие фигуры классного коллектива, официальные активисты и/или неформальные лидеры школьной жизни. В основном, респонденты отмечают ориентацию на школьные успехи, культурные практики гендерного поведения. Большинство респондентов отмечает, что требования учителей к поведению мальчиков и девочек были различными: «мальчики менее дисциплинированы, немного хуже учатся – это норма, для девочек же это неприемлемо», «мальчикам можно драться и хулиганить», «к девочкам предъявляли больше требований, там, где девочке поставили бы три, мальчику ставили четыре», «учителя хорошо относились только к девчонкам-отличницам, а на нас им было плевать», «девчонкам делались всякие поблажки, их примерное поведение являлось неотъемлемой частью успеваемости». Успеваемость в школе отмечается всеми как высокая, хотя и не всегда ровная. Именно тогда закладывается работоспособность и ориентация на публичные достижения, честолюбие, поддержанное и семейными стандартами родительского отношения к работе.

В юношеские годы, однако, у многих из них происходят изменения в сфере общественной активности. Иногда эти юноши и девушки компенсируют «общественный темперамент» в различных юношеских субкультурах (соответственно сферам интересов – музыка, литература, спорт и т.п.).

Мы полагаем, что в субкультурных объединениях, в качестве компенсации молодые люди имели возможность реализовывать себя, и получали навыки активного организационного поведения, а также обретали культурные практики гендерного поведения.

Для качественного исследования процесса развития личности (плавного или скачкообразного) мы использовали модифицированное структурированное интервью, предложенное Грэйсом Крайгом. Мы разделяем точку зрения Г. Крайга относительно развития человека и считаем, что структурированное интервью «...позволяет нам перепроверить предположения, стоящие за нашими убеждениями, ...определить степень их соответствия реальному положению вещей, ...систематизировать и

анализировать поведение, ...объяснять, как и почему происходит наблюдаемое явление...» [3, С.60].

Анализ материалов показал, что всех респондентов можно разделить на две группы – те, кто считает все события своей жизни значимыми («...все события сделали меня тем, кем я сейчас являюсь») и те, кто считает одно событие наиболее важным и значимым (болезнь, переход в другую школу, любовь и т.п.). Большинство респондентов считает наиболее значимым влияние семьи на сформировавшиеся взгляды, установки, ценности.

Те респонденты, которые считают, что именно событие сделало их тем, кем они являются, видят свои успехи в самостоятельно сделанном выборе и принятом решении (поступление в институт, отъезд из родительского дома и т.п.). Интересным является тот факт, что большинство респондентов отрицает значимость биологических факторов, бессознательных влечений и аналитических способностей в развитии их личности. Очевидно, это объясняется выявленной в предыдущем исследовании авторитарной гиперсоциализацией. В тоже время мы полагаем, что в ответах на данные вопросы велика роль и фактора социальной желательности, который также является, на наш взгляд, следствием гиперсоциализации, а так же большой ролью бабушек и дедушек в качестве агентов социализации.

Большинство семей респондентов являлось, по их мнению, открытыми, имело друзей (такие же семьи с детьми примерно одного возраста и т.п.). Однако, в юности, респонденты отмечали смену семейного времяпрепровождения на компании сверстников, однокурсников и т.д. Это подтверждает наши предположения, о явлении компенсации активности в субкультуре сверстников.

Показательным в плане усвоения ролевых моделей (и как следствие желаемого гендерного поведения) является то, что некоторые респонденты юноши считают возможным сидеть дома, на содержании жены и иметь условия для самореализации (при этом быть освобожденными и от домашнего труда):

- «Я *очень* даже был бы согласен, для меня главное - это саморазвитие, самосовершенствование, я бы с удовольствием жил с женщиной, которая бы меня содержала. Я бы еще поставил условие, чтобы она выделила мне комнату под библиотеку. Я считаю, женщины очень преувеличивают свои заботы в ведении домашнего хозяйства, для меня это не составляет такого особого труда, я бы с удовольствием сидел дома и занимался домашним хозяйством ».

- «А почему бы нет? Но, заниматься домашним хозяйством, я не

согласен. Если женщина в состоянии содержать меня, то она в состоянии нанять домработницу, которая будет этим заниматься, что же касается воспитания детей, то я бы занимался ребенком, когда захочу, но по большому счету, если женщина может содержать меня и домработницу, то она может нанять и няню».

Ответы респондентов девушек говорят о том, что женщины хотят работать, быть независимыми от мужчин:

- «Мне домашнего хозяйства мало. Мне хочется быть так же и социально активной. Я не могу только и делать, что убираться, готовить, стирать и т.д. Я буду чувствовать, что жизнь проходит мимо меня. Мне хочется работать и реализоваться»;

- «Постоянно сидеть дома я не смогу. Я хочу заниматься любимым делом, ходить на любимую работу, но не забывать о семье. Я не хочу быть зависимой от мужа или от другого мужчины и поэтому лучше буду работать, но при этом и выполнять семейные функции»;

- «Я вообще не собираюсь ближайшие лет 6-8 замуж, я не согласна ни от кого зависеть, я хочу сама всего добиться в жизни! Быть содержанкой вообще не по мне, да и муж величина порой временная, он может встретить другую женщину, умереть, просто уйти «искать смысл жизни», а я останусь без работы, опыта, денег, уважения к себе? Ведь многие семейные трагедии и начинаются с того, что женщина в угоду мужчине отказывается от карьеры, увлечений, большинства подруг, даже общения с родственниками, а потом получается, что после нескольких лет такой жизни ее шансы на успех в жизни без этого мужчины стремятся к нулю, и он, и она прекрасно это понимают. Мужчина начинает позволять себе многие неблагоприятные поступки, вплоть до измены, рукоприкладства и т. д., думая про себя «а куда она денется», а женщина терпит, потому, что думает «куда мне теперь деваться, работу мне теперь уже не найти по специальности, да и кто возьмет меня с ребенком» и т.д. Я хочу сама нести ответственность за свою жизнь и сама себя содержать».

Это свидетельствует, с одной стороны, об усвоенных моделях гендерных отношений в родительской семье (партнерская модель взаимоотношений в семье, доминантно-зависимая модель), с другой – об изменениях гендерных установок молодежи.

При ответе на вопрос «хотели бы вы возрождения патриархальных традиций», многие студентки ответили отрицательно, студенты же не столь были категоричны в своем мнении. Приведем примеры ответов на этот вопрос респондентов-девушек:

- «У нас в семье всегда было равноправие и я думаю, что в современном мире это самый лучший вариант отношений, когда все решается сообща и с уважением друг к другу».

- «Я за то, чтобы все решалось сообща и во внимание принималось мнение каждого. В нашей семье все решалось коллективно, советуясь и обсуждая проблемы со всеми членами семьи, хотелось, чтобы и в будущем так было».

- «Нет, женщины должны иметь права. Я за равноправие, чтобы мужчины выполняли свои роли в обществе, женщины – свои, и между ними было взаимоуважение, понимание, любовь».

- «Возрождения патриархальных традиций я не хочу, мужчины не могут властвовать над женщинами только по праву рождения, только потому, что они мужчины. Патриархальный лозунг «да убоится жена мужа своего» кажется мне, по меньшей мере, вредным и глупым. Почему вообще кто-то кого-то должен бояться? Я не думаю, что мужчины умнее, рассудительнее, ответственнее, чем женщины, жизнь убеждает, что как раз наоборот. Мне глубоко симпатичны взгляды феминистского движения, я за равенство прав и возможностей женщин с мужчинами».

-«Нет, не хочу. Считаю, что в семье должно быть равноправие. В моей семье все строилось по принципу: «Мужчина – голова, женщина – шея, куда захочет, туда и вертит». Так что хоть и папа имел право решать серьезные вопросы, это всегда происходило с мягкого, незаметного влияния мамы. Она могла сделать как-то так, что вроде бы он принял решение, но именно такое, которое хотелось бы маме».

-«Считаю, что должно быть равенство. Каждый должен заниматься тем, что у него лучше получается и чего он больше желает. Но при условии, что такое распределение ролей будет устраивать обоих».

Ответы респондентов-юношей:

- «Да, но это не значит эксплуатации женского пола и возвышения мужчины, просто я хочу, чтобы пульт от телевизора и т.п. были у меня в руках».

-«Нет, я за равноправие. Люди только тогда счастливы, когда каждый не насилует себя, пытаясь, во что бы то ни стало, угодить партнеру или когда один человек считает себя вправе решать за двоих, «разделять и властвовать», только потому, что он «сильный» мужчина, а она «слабая» женщина».

-«Нет, не хочу. Патриархальные традиции ушли в прошлое.

Большинство знакомых мне девушек будут против, да и мне никогда не нравились «душечки», чьи интересы сосредоточены только мужем, домом

и семьей».

- «Да, хочу. Женщина создана для того, чтобы подчиняться мужчине».

- «В какой-то степени да. В общем, я за равноправие, но можно добавить и немного патриархата. Например, при расхождении мнений и с условием, что мое мнение наиболее рационально и разумно, в принципе и хотелось бы решать мне самому, хотя и учитывая интересы других членов семьи».

- «Да, т.к. испокон веков мужчина является отцом, главой в доме, обеспечивает материальное благополучие семьи».

- «Да, хотел бы возрождения патриархальных традиций, т.к. при патриархате общество идет по более здоровому пути».

Изучение рассказов жизни респондентов позволили выявить типичный сценарий социализации молодых людей, а именно:

1) семья – школа – неформальные объединения как общности, в которых протекала социализация; 2) стандартные роли отца и матери соответственно общепринятым стереотипам маскулинности-фемининности; 3) ведущая роль агентов социализации, чьи установки и модели поведения усваивались (бабушки, дедушки, мамы, папы); 4) ориентация на пассивность в семье (авторитарная гиперсоциализация). 5) ориентация на активность в среде сверстников, в детской субкультуре.

В ходе нашего исследования был сделан вывод, что мужчины в большей степени склонны выбирать доминантно-зависимую модели семьи, более подвержены влиянию социально-культурных факторов (из-за большей приверженности гендерным стереотипам), в отличие от девушек, которые предпочитают партнерские отношения. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что анализ нарративных интервью показал четкую ориентацию молодежи на семейный образ жизни (небольшое количество – примерно 4% молодежи – не ориентированны на семейные отношения). По нашему мнению, несмотря на трансформацию института семьи, ее приспособление к новым условиям, обострившееся противоречие между семейными и внесемейными ценностями, общечеловеческая значимость семьи, безусловно, сохраняется. Ценности семьи уникальны и не могут быть заменены никакими другими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.
2. Клецина И.С. Практикум по гендерной психологии. – СПб.: Питер, 2003. – 480 с.

3. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
4. Малкина-Пых И.Г. Семейная терапия. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. – 992 с.
5. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 319 с.
6. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. – М.: Класс, 2001. – 368 с.

REFERENCES

1. Kletsina I.S. Psychology of Gender Relations: Theory and Practice. St. Petersburg, Aletheia, 2004. 408 p.
2. Kletsina I.S. Workshop on gender psychology. St. Petersburg, Peter, 2003. 480 p.
3. Craig G. Developmental Psychology. St. Petersburg, Peter, 2000. 992 p.
4. Malkin-Puff I.G. Family therapy. Moscow, Publishing house Penguin Books, 2005. 992 p.
5. Ovtcharova R.V. Psychological support of parenthood. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2003. 319 p.
6. Friedman J., Combs J. Construction of other realities: Stories and tales as therapy. Moscow, Class, 2001. 368 p.

Информация об авторе

Торкунова Ольга Ивановна (Россия, г. Воронеж) – Кандидат психологических наук, старший преподаватель. Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина» (г.Воронеж). E-mail: bolmari@yandex.ru

Information about the author

Torkunova Olga Ivanovna (Russia, Voronezh) – Ph.D. in psychology, the senior lecturer. Military Educational and Scientific Center “Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin” (Voronezh). E-mail: bolmari@yandex.ru